

Русский Гуманитарный Интернет Университет

Библиотека

Учебной и научной литературы

WWW.I-U.RU

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ

КЛАССОВЫЙ АСПЕКТ БЕДНОСТИ

В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович - доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества.

Современная информационная революция приводит к формированию в постиндустриальных обществах нового класса, который в предыдущей статье мы назвали "классом интеллектуалов" [1]. Западные социологи обратили на это внимание еще в конце 50-х годов; причем весьма характерно, что за этим процессом не просматривалось в то время никаких негативных последствий. Поскольку, согласно расхожему мнению, "информация представляет собой наиболее демократичный источник власти" [2], большинство исследователей приходило к выводу, что становление

некапиталистического по своей природе доминирующего класса ведет к преодолению классового характера общества, делает его в перспективе бесклассовым.

Однако реальные социально-экономические процессы все очевиднее противоречат подобным предположениям. С каждым новым этапом технологической революции "класс интеллектуалов" обретает все большую власть и перераспределяет в свою пользу все большую часть общественного богатства. В формирующейся новой хозяйственной системе процесс самовозрастания стоимости информационных благ оказывается в значительной мере оторванным от материального производства. В результате "класс интеллектуалов" оказывается зависимым от всех других слоев общества в гораздо меньшей степени, чем господствующие классы феодального или буржуазного общества были зависимы от деятельности эксплуатировавшихся ими крестьян или пролетариев. Это создает предпосылки для появления на исторической сцене еще одного класса, объединяющего в своих рядах тех, кто неспособен активно участвовать в высокотехнологичном производстве. Принадлежащая ему доля в общественном богатстве устойчиво сокращается, не оставляя возможностей для повышения квалификации и пополнения "класса интеллектуалов". Эта социальная группа, до поры до времени ассоциировавшаяся с низшими слоями пролетариата, к началу 90-х годов обрела выраженную классовую определенность, и не принимать ее во внимание при анализе проблем современного общества невозможно.

Бедность в зеркале статистики

На протяжении всей истории индустриального общества борьба с бедностью оставалась одной из наиболее острых социальных проблем, причем почти всегда считалось, что ее эффективное решение может быть найдено лишь на путях ускоренного экономического развития. По меньшей мере дважды в XX веке в западных странах широко распространялось убеждение, что бедность может быть искоренена в пределах жизни одного поколения. В первый раз эта иллюзия проявилась в 20-е годы, причем действительным инструментом борьбы считалось тогда бурное развитие частного

пред-принимательства, обеспечивавшее невиданные ранее темпы роста благосостояния; во второй - в 50-е и 60-е годы, когда возможность успеха связывалась с активностью социал-демократических правительств, возведших борьбу с бедностью на уровень государственной политики.

Экономический бум 20-х годов и последовавшая депрессия привели к серьезному росту доли малообеспеченных слоев населения в национальном богатстве западных стран, а экономический кризис 1929-1932 гг. резко сократил спекулятивные доходы буржуазии. В результате распределение национального дохода стало более равно-мерным: доля в нем 5% наиболее богатых американцев снизилась с 30% в 1929 г. до 24% в 1941 г. и 20,9% в 1947 г., тогда как доля беднейших 40% граждан выросла с 12,5 до 13,6 и 16,8% [3].

Однако за благополучными показателями такого рода скрывались серьезные внутренние проблемы. В 1959 г. официальная статистика свидетельствовала, что за чертой бедности находилась почти четверть (23,2%) американского населения. В 60-е годы, как известно, активизировалась социальная политика, но причиной этой активизации стала небывалая напряженность, возникшая в обществе: только с 1964 по 1968 г. не менее 257 американских городов стали свидетелями 329 выступлений, переросших в массовые беспорядки, а в целом данный период характеризовался наибольшим количеством актов насилия со времен Гражданской войны 1861-1865 гг. [4, р. 111]. Прорекламировав уничтожение бедности к 1976 г., администрации Дж.Ф. Кеннеди и Л. Джонсона неуклонно наращивали социальные расходы: с 1960 по 1975 гг. суммы прямых денежных трансфертов и пособий малоимущим выросли более чем вдвое, с 22,3 до 50,9 млрд. долларов; на выделение им бесплатного питания и медицинских услуг правительство направило в 1975 г. 107,8 млрд. долларов - в четыре раза больше, чем в 1960 г. (27,1 млрд. долларов); при этом наиболее быстрыми темпами росли затраты на социальное страхование (с 65,2 до 238,4 млрд. долларов), а также профессиональную подготовку и иные формы обучения (с 0,5 до 12,1 млрд. долларов) [5]. Совокупные ассигнования на все эти цели увеличились с 1965 по 1972 г. с 75 до 185 млрд. долларов, т.е. с 10,5 [6, р. 266-267] до почти 18,7% ВВП [7]. В результате доля бедных американцев снизилась к 1974 г. более чем вдвое и составляла, согласно различным оценкам, от 10,5 до 11,5% населения [8]. К 1976 г. 1% наиболее состоятельных граждан владел 17,6% национального богатства, что стало самым низким показателем со времен провозглашения независимости США [9].

Однако в дальнейшем стала набирать силу серьезная контртенденция. С учетом опыта последних двадцати лет она может быть адекватно, на наш взгляд, объяснена только на основе анализа внутренних закономерностей развития постиндустриального общества. Мы считаем необходимым подчеркнуть это положение, поскольку в западной

социологии прослеживается определенное внутреннее сопротивление комплексно-му анализу новых явлений в этой сфере; в целом ряде публикаций они рассматриваются как побочный результат частных экономических процессов. Между тем есть все основания констатировать, что борьба с бедностью в самых развитых постиндустриальных странах не дает желаемых результатов, несмотря на постоянный рост бюджетных ассигнований на эти цели и активизацию разного рода общественных и благотворительных организаций.

Так, в 1979 г. официально признавалось, что за чертой бедности в США существует 11,7% населения, а "poverty gap", то есть выраженная в денежной форме сумма дотаций, необходимых для обеспечения всем неимущим прожиточного минимума, составляла около 33 млрд. долларов. Но уже к 1983 г. за чертой бедности оказалось 15,2% населения, то есть больше, чем в 1966 г.; при этом "

poverty
gap

" вырос в полтора раза в постоянных ценах, до 47 млрд. долларов [6, р. 298]. Особенно быстро (на 232% за 70-е годы) возрастала численность неимущих горожан, превысившая в начале 80-х годов 2,5 млн. человек [10]. Обострение проблемы бедности в этот период, как правило, связывается с кризисом 1979-1981 гг.; считается также, что очередной виток нарастания социального неравенства в конце 80-х обусловлен фондовым крахом 1987 г. Однако и в 90-е годы ситуация не изменилась, несмотря на беспрецедентный экономический подъем. Согласно данным официальной статистики, к 1993 г. число бедных американцев достигло 36,9 млн. человек, увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 3,2% и составив в общей сложности почти 16% населения [11]. В странах Европейского Союза в 1997 г., несмотря на активную социальную политику, доля живущих ниже черты бедности достигла 17% населения (57 млн. человек), причем наиболее тяжелое положение сложилось в Великобритании, где за чертой бедности оказалось 22% населения [12].

Такая ситуация выглядит парадоксальной, если учесть, что США фактически добились полной занятости ^[1]. Несмотря на это, в 1992 г. заработная плата 18% работающих на постоянной основе американских рабочих была ниже прожиточного минимума; особенно же драматичным оказалось положение молодежи: 47(!)% работающих американцев в возрасте от 18 до 24 лет имели зарплату, не достигавшую прожиточного минимума [13].

Правительства западных стран активно пытаются исправить положение. В США государственный бюджет расходует на субсидирование бедных колоссальные средства, достигавшие 12% всех расходных статей (почти 290 млрд. долларов) в 1992 г. и 16% (420 млрд. долларов) в 1996 [14, р. 132]. В конце 80-х годов, согласно правительственной статистике, получателями подобной прямой помощи были 39 млн. американцев, причем для 22 млн. из них она оказывалась основным источником финансовых поступлений [15]. О масштабе государственной помощи бедным говорят следующие цифры: в 1995 г. доход 20% наименее обеспеченных американцев без учета трансфертов и пособий составлял лишь 0,9% распределяемого национального дохода, тогда

как с учетом таковых достигал 5,2% [16]. Если бы заработная плата была единственным источником доходов американских граждан, в 1992 г. 21% работающих американцев жили бы за чертой бедности, а для пожилых людей эта цифра составляла бы 50(!)%. Усилия государства снизили эти показатели соответственно до 16 и 10% [14, р. 131-132]. Однако, несмотря на эти достижения, в последние годы стала заявлять о себе позиция, согласно которой правительства развитых стран борются скорее с самим явлением, нежели с его причинами. Именно это заставляет многих социологов обратиться к исследованию глубинных причин распространения бедности в постиндустриальных обществах.

К определению низшего или "подавленного" класса (underclass)

Задача определения низшего класса постиндустриального общества вызвана к жизни не только и не столько нарастающим обособлением "класса интеллектуалов" или неспособностью государства решить проблему бедности. На наш взгляд, эта проблема заявила о себе сегодня гораздо шире, и связана она в первую очередь с тем, что в последние десятилетия происходит быстрое "размывание" "среднего класса", на протяжении долгого времени оставшегося оплотом индустриального общества. В этой ситуации низший класс перестает быть узкой группой, состоящей из деклассированных элементов, и превращается в значимую социальную силу, противостоящую "классу интеллектуалов" в качестве важнейшего компонента современной общественной структуры.

Между тем до последнего времени понятие низшего класса (underclass) применялось почти исключительно для обозначения той социальной группы, которую А. Горц называет "не-классом не-рабочих" [17]. Такой подход имеет глубокие корни и восходит фактически к проблеме пауперизма, актуальной в Европе еще со средневековья. Вполне понятно, что обсуждение этих вопросов в американской литературе стало особенно интенсивным во второй половине 70-х годов, когда обнаружилось, что, несмотря на все усилия правительства, проблема бедности далека от своего разрешения. В этот период американские социологи предпочитали причислять к низшему классу заведомо антисоциальные элементы, в значительной мере представленные национальными меньшинствами и жителями пригородов больших городских агломераций. В августе 1977 г. в журнале "

Time

" появился ряд материалов, в которых был заявлен общенациональный масштаб этой проблемы; можно говорить о том, что фактически понятие

underclass

появилось в англоязычной литературе именно в конце 70-х годов. Согласно авторам журнала, низший класс пополняется за счет несовершеннолетних правонарушителей, отчисленных из школ учащихся, наркоманов, матерей-одиночек, живущих на пособие, грабителей, особо опасных преступников, сутенеров, торговцев наркотиками, попрошайек и т.д. Эту позицию четко оформил известный журналист и социолог К. Аулетта, выступивший в 1981 г. с серией статей в журнале "

New

Yorker

", где дал соответствующее определение низшего класса; затем он систематизировал свои взгляды на его формирование, состав и перспективы развития в отдельной книге [18].

Однако сегодня такой подход представляется несовершенным. Определяя underclass в качестве той социальной группы, которая выключена из официальной социальной структуры общества либо по обстоятельствам непреодолимого характера (инвалидность, психические расстройства и т.д.), либо фактически по собственному желанию (устойчивые группы лиц с антисоциальными проявлениями и проч.), социологи, хотя и признают его образование вытекающим из природы современной экономической системы, тем не менее так или иначе выносят его за рамки общества, изображая конфликт между обществом и его низшим классом как относительно внешний. Относя к данной категории не более трети населения, официально находящегося за чертой бедности, исследователи фактически отказываются рассматривать этот социальный слой как значимую силу в современном обществе.

Более предпочтительно, с нашей точки зрения, определение, данное в 1963 г. известным экономистом (впоследствии Нобелевским лауреатом) Г. Мюрдалем, заимствовавшим сам термин underclass из шведского языка, где это слово было распространено еще в XIX

в. Привнося в современную социологическую теорию элементы зрелой европейской традиции, в рамках которой под классами в целом и под низшим классом, в частности, понимались крупные социальные группы, выделяемые на основании вполне конкретных признаков, Г. Мюрдаль определил underclass

как "ущемленный в своих интересах класс, состоящий из безработных, нетрудоспособных и занятых неполный рабочий день лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадёжности отделены от общества в целом, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов" [19]. Именно в этом смысле мы и будем использовать в данной статье понятие низшего класса. Полагая, что в ближайшие десятилетия основными сторонами нового социального конфликта способны стать высокообразованная и обеспеченная элита общества и те социальные группы, представители которых не могут найти себе адекватного применения в условиях экспансии высоко-технологичного производства, мы объективно относим к формирующемуся низшему классу не только наиболее обездоленные слои общества, но и всех граждан, находящихся за чертой бедности, а также тех, кто получает сегодня доход, не превышающий половины дохода среднестатистического индустриального работника, занятого полный рабочий день. При таком подходе к данной категории лиц следует отнести не менее трети населения развитых постиндустриальных стран.

Мы отдаем себе полный отчет в том, насколько серьезны только лишь психологические причины, препятствующие принятию такого подхода. Соглашаясь с ним, приходится de facto признавать, что в современном обществе значительная часть людей, стремящихся к общественно полезной деятельности, не может занять сколько-нибудь удовлетворительного положения на социальной лестнице и удерживать его. Реальная ситуация свидетельствует в первую очередь именно об этом.

Предлагаемое нами определение низшего класса может быть использовано прежде всего для адекватного противопоставления его среднему классу и "классу интел-лектуалов". Относя к последнему наиболее высокообеспеченные 20% населения, мы считаем возможным разделить оставшиеся 80% на две неравные группы. Одна из них представляет собой низший класс, куда входит 13-15%

населения, находящегося за гранью бедности (сюда включаются и представители деклассированных групп), а также около 15% населения, чьи доходы не превышают половины среднего дохода современного наемного работника. Оставшиеся 50% и формируют сегодня тот средний класс, который в ходе становления информационного хозяйства подвергается активной дезинтеграции; в результате большая его часть переходит в имущественный слой, близкий к низшему классу, а относительно немногочисленная популяция высшие страты общества. В такой трактовке *underclass* не представляется чем-то выключенным из общественной жизни; напротив, именно консолидация и формирование само-сознания *underclass*, а способны оказаться в будущем факторами нарастания социального конфликта. Сегодня определяемый таким образом низший класс находится в процессе своего становления. Более или менее уверенно можно говорить, что в этот процесс вовлечены как традиционно понимаемый *underclass*, так и все граждане постиндустриального общества, кто находится без работы более трех месяцев в году; занятые неполный рабочий день в любых отраслях народного хозяйства, не относящихся к высокотехнологичному производству; не имеющие полного среднего образования, а также некоторые другие.

Подходя с таких позиций к анализу тенденций, вполне отчетливо проявляющихся в хозяйственной жизни западных обществ на протяжении последних десятилетий, мы находим зримые подтверждения самых пессимистических ожиданий.

Становление низшего класса в 70-90-е годы

В хозяйственном развитии западных обществ на протяжении последних трех десятилетий в контексте рассматриваемого нами вопроса можно выделить два основных этапа. На первом из них, с начала 70-х по конец 80-х годов, новые тенденции не проявлялись достаточно зримо, хотя и определяли во все возрастающей мере динамику социальных процессов. Именно поэтому большинство возникающих проблем могло находить удовлетворительное объяснение в русле экономических и финансовых закономерностей, присущих индустриальному обществу. На втором, с начала 90-х годов, постиндустриальные тенденции оказались доминирующими и стали непосредственно задавать главные направления развития западных стран [20]. Эти два периода качественно отличаются по ряду признаков - от динамики основных хозяйственных показателей в западных государствах до характера взаимодействия развитых и развивающихся стран на международной арене; одним из таких признаков является и изменение в положении низшего класса, ставшее особенно очевидным в конце 80-х годов.

Методологической основой исследования причин современного положения низшего класса в развитых странах Запада является тезис о том, что роль важнейшего классово-образующего признака в информационном обществе играет способность человека к усвоению и производству знаний. На первом этапе это проявилось главным образом в том, что американские исследователи называют "существенным расслоением по признаку образования", когда в результате быстрого технологического прогресса возник избыток работников низкой и средней квалификации, вызвавший сильное давление на рынок рабочей силы. "Число рабочих мест, не требующих высокой квалификации, - отмечают социологи, - резко сокращается, и тенденция эта сохранится (курсив мой. - В.И.) и в будущем" [21]. В целом за 80-е годы "почасовая заработная плата (с учетом инфляции) для имеющих высшее образование мужчин увеличилась на 13%, а для имеющих незаконченное высшее образование снизилась на 8%. Для мужчин со средним образованием почасовая ставка сократилась на 13%, а те, кто не окончил даже среднюю школу, потеряли 18% заработка" [14, с. 116]. Подобные изменения подталкивались конкуренцией на мировых рынках, где американская экономика стала как крупнейшим поставщиком высокотехнологичной продукции, так и крупнейшим импортером товаров народного потребления. Развитие американской внешней торговли в период 1972-1985 гг. способствовало повышению суммарных доходов высокообразованных работников на 33 млрд. долларов и снижению доходов средних рабочих на 46 млрд. долларов [4, с. 201]. Особенно сильный удар обрушился на группы трудящихся, составляющие в рабочей силе США традиционные меньшинства, и в первую очередь, на афроамериканцев. После

впечатляющего улучшения их материального положения, имевшего место в 60-е и первой половине 70-х годов, это было особенно болезненно. Если в 1973 г. разрыв в оплате белого и чернокожего выпускников колледжа снизился до минимального значения в 3,7%, то в 1989 г. он возрос до 15,5%; соответствующие данные для выпускников школ составили 10,3 и 16,7% [22]. К началу 90-х годов более половины афро- и латиноамериканцев, не имевших высшего образования, получали доход, не позволявший обеспечить существование на уровне выше черты бедности для семьи из четырех человек.

Конец 80-х годов ознаменовался фундаментальным изменением в хозяйственной практике: динамика показателей производительности и заработной платы приобрела разнонаправленный характер. Если с 1973 г. наметилась разнонаправленность движения долей капитала и труда в национальном доходе [23], то со второй половины 80-х производительность в американских компаниях начала расти при стабильной и даже снижающейся оплате труда [4, р. 200]. Этот факт ярко свидетельствует, на наш взгляд, о том, что принципы организации индустриального общества окончательно перестали действовать. С этого момента присвоение возрастающей доли национального богатства оказалось связанным не с интенсивностью труда, не с эффективностью использования материалов и оборудования и даже не с уровнем полученного формального образования, а с тем, насколько способен человек использовать и генерировать новое знание, наращивать свой интеллектуальный капитал. В начале 90-х резко возросла доля нематериальных активов в балансовой стоимости промышленных и сервисных компаний, отражающая объективные оценки интеллектуального капитала и ценность уникальных по своим способностям работников. Развитие подобных тенденций приводит к тому, что низкоквалифицированные работники оказываются сегодня в гораздо более тяжелом положении, нежели раньше, поскольку «экономический рост не может обеспечить их "хорошими" рабочими местами, как это было в прошлом» [24]. В то время как обладатели уникальных знаний и способностей оказываются в привилегированном положении на рынке труда, представители среднего класса сталкиваются с растущими трудностями не только в обеспечении достойного уровня жизни, но даже в поиске какой-либо работы.

В 90-е годы положение лишь усугубилось, в первую очередь, потому, что в этот период особенно возросла роль технологического фактора в развитии производства. В результате доходы низших 20% населения, достигнув своего, казалось бы, минимального возможного значения, перестали снижаться в относительном выражении и стабилизировались на уровне 3,7-3,9% национального дохода. Продолжающийся рост доходов «класса интеллектуалов» происходит сегодня за счет «среднего класса», то есть граждан, квалификация которых еще совсем недавно отвечала потребностям индустриального хозяйства. С 1990 по 1995 гг. доля 60% американцев, объединяемых в эту категорию, в национальном доходе страны снизилась почти на пять процентных пунктов и составила 47,6% [25]. При этом низшая граница «среднего класса» фактически опустилась до уровня, за которым начинается официально признаваемая бедность. По состоянию на начало 1998 г. почти 15% населения США официально считались бедными и в значительной мере существовали за счет государственных субсидий, а 18% американских работников, занятых полный рабочий день, получали заработную плату, соответствующую официально зафиксированному минимуму [26]. Следует заметить в этой связи, что уровень, определяемый в качестве черты бедности (т.е. доход в 11,8 тыс. долларов на семью из четырех человек) не пересматривался с 1991 по 1999 гг.; его изменение Конгрессом в октябре 1999 г. радикально увеличивает статистические показатели бедности, доводя число официально бедных американцев почти до 40 млн. человек.

Тот факт, что значительная часть работников, занятых на постоянной основе, получает доход, не достигающий черты бедности, усугубляется распространением неполной занятости. Подобная практика в значительной мере вызывается к жизни растущей самостоятельностью высококвалифицированных специалистов и, как следствие, распространяется на трудовые отношения в других сферах. Однако если для представителей «класса интеллектуалов» она оказывается наиболее приемлемой и удобной, большинство низкоквалифицированных индустриальных работников и лиц, занятых в сфере услуг, существенно теряют в своих доходах. В 1993 г. число американцев, для которых продолжительность рабочей недели не достигала половины среднестатистической, или используемых на контрактных работах, составило 24,4 млн. человек, или 22% рабочей силы [27]. Аналогичные тенденции проявляются и в европейских странах. В середине 90-х годов доля временно занятых работников в совокупной рабочей силе составляла во Франции 15,6%, в Германии - 16,3%, в Канаде - 18,6%, в Великобритании - 24,1%. Особенно высоки соответствующие показатели для молодежи в возрасте 18-25 лет, не обучающейся в колледжах и других высших учебных заведениях. В частности, в США по состоянию на 1996 г. до 40% работников этой возрастной категории не имели постоянной работы.

Следует отметить, что в 90-е годы со всей очевидностью проявились тенденции к замыканию как «класса интеллектуалов», так и современного низшего класса, причем для последнего такая тенденция обусловлена крайне низким образовательным уровнем его представителей. Анализ проблемы бедности белых американцев, проведенный в начале 90-х годов, свидетельствует, что среди выходцев из семей, принадлежащих к высшему слою среднего класса, доля бедных составляет не более 3%; она возрастает до 12% для тех, чьи родители живут фактически у черты бедности, и до 24% - для выходцев из собственно бедных семей. В еще большей степени зависят подобные перспективы от образовательного уровня родителей: если он низок (незаконченное школьное), то вероятность для их детей пополнить низший класс составляет около 16%, а если очень низок (начальное образование) - повышается до 40% [28, р. 131, 132]. Результат вполне очевиден: по мере сохранения сложившейся ситуации реально-стью современного общества становится наследственная бедность, которая дополняется необразованностью низших слоев населения, воспроизводящейся от поколения к поколению.

В итоге, как отмечают многие исследователи, проблема бедности стала в настоящее время одной из наиболее острых в постиндустриальных обществах. В отличие от прежних десятилетий, когда низший класс пополнялся главным образом представителями десоциализировавшихся слоев, сегодня его ряды растут за счет тех работников индустриального сектора и примитивных типов услуг, которые не в состоянии найти себе адекватного места в современной структуре общественного производства. Если раньше доля живущих за чертой бедности представителей национальных меньшинств была в несколько раз выше по сравнению с белыми американцами, то к середине 90-х наметилось беспрецедентное сближение этих показателей. В некоторых публикациях прямо утверждается, что на протяжении последнего десятилетия возник "белый низший класс (white underclass)" - явление, немыслимое еще в 70-е годы [28, p. 520-521]. По мере пополнения низших слоев общества растет общая социальная пассивность, и инициатива принятия жизненно важных для всего социума решений все заметнее переходит к высшему классу. При этом растущий в количественном отношении низший класс вряд ли подразделяется сегодня на отдельные категории: он представляет собой единую массу, оппозиционную высшим слоям общества.

Характерно, однако, что эта оппозиция не имеет революционного или реформаторского потенциала. Как пишет К. Лэш, "радикальные движения, нарушавшие мирное течение жизни в двадцатом веке, одно за другим потерпели крах, и последователи их пока не появились... Новые социальные движения не имеют между собой ничего общего; единственная объединяющая их цель заключается не в революционном преобразовании общества, а во вхождении во властные структуры" [29]. Современный низший класс представляет собой массу, пока еще не имеющую классового само-сознания и в этом отношении не представляющую собой существенной опасности для правящей верхушки. Между тем в ней скрыта значительная деструктивная сила, которая в будущем способна оказать весьма серьезное сдерживающее воздействие на социальное и хозяйственное развитие западных обществ. С одной стороны, поддержание существующего status-quo требует огромных материальных затрат, которые по мере объективного роста этой категории населения как в силу вытеснения части активных работников из материального производства, так в еще большей степени по причине прогрессирующего старения развитых наций, имеют тенденцию резко увеличиваться. С другой стороны, рост бедности в условиях невозможности адекватного противодействия данной тенденции будет вызывать усиление напряжения в рядах среднего класса, представители которого окажутся перед лицом перемещения по социальной лестнице вниз. Последнее вполне способно привести к ожесточению противостояния между предпринимателями и работниками. Ценой смягчения этого противостояния будет объективное замедление темпов технологического прогресса и рост издержек на оплату труда, что окажет сдерживающее воздействие на наиболее развитые хозяйственные системы.

Возможные перспективы

Рост имущественного неравенства в современных западных обществах представляется нам реальным и наиболее заметным воплощением социальной напряженности, зреющей в их недрах. Безусловно, "класс интеллектуалов" как доминирующая общественная сила еще не стал в полной мере носителем нематериалистических (пост-экономических) начал ни по своей композиции, ни по преобладающим в поведении ее представителей мотивам; в то же время низшие слои общества в наиболее явном виде представляют собой средоточие экономической ориентации. По мере укрепления материальных основ постиндустриального строя (и становления постэкономического) разрыв между двумя этими социальными группами будет лишь нарастать.

Сегодня нет еще оснований говорить о наличии прямого классового конфликта в развивающемся постиндустриальном обществе. Однако анализ проблем неравномерного распределения национального богатства и быстрый рост численности низшего класса на данном уровне исследования приводят нас к трем основным выводам.

Во-первых, процессы имущественного и социального расслоения в наибольшей мере обусловлены технологической революцией последних десятилетий. Это подтверждается как тем, что снижающаяся потребность капитала в труде и извечная задача поддержания конкурентоспособности вызвали первую резкую волну социального неравенства в середине 70-х, так и тем, что в 90-е годы в условиях благоприятной хозяйственной конъюнктуры проблема не получила своего решения, поскольку ускользнувший технологический прогресс резко обесценил неквалифицированную рабочую силу.

Во-вторых, проблема бедности в современных условиях не сводится, как это нередко бывало раньше, к вопросам физического выживания или каких-то форм пауперизма; она не вытекает из отдельных экономических трудностей, таких как циклические кризисы и т.п. Она не обусловлена нежеланием составляющих низший класс людей инкорпорироваться в общественное

производство. Данная проблема порождена естественным развитием современного хозяйства, и, хотя возможности общества достаточны для того, чтобы обеспечить представителям низшего класса жизненные условия, которые двадцать лет назад показались бы весьма привлекательными, перелома в развитии тенденций формирования низшего класса, порожденных объективным хозяйственным прогрессом, ожидать не приходится.

В-третьих, и это следует из первых двух тезисов, современная система социального обеспечения и трансфертов в пользу низкооплачиваемых слоев населения способна, как показывает практика последнего десятилетия, лишь поддерживать сложившийся уровень их потребления и не допускать его резкого снижения. При этом совершенно очевидно, что даже сохраняя нынешнюю ситуацию, если можно так выразиться, в абсолютных показателях, любые усилия государства не способны привести к качественному изменению пропорций распределения общественного богатства в целом. Любые формы помощи бедным - от перераспределения в их пользу части бюджетных средств до установления дотаций и премий предпринимателям с целью повышения занятости - могут быть приняты высшим классом в условиях господства экономических отношений лишь в том случае, если не снизят доходы его представителей и не нанесут ущерба прогрессу производства.

Отсутствие в современных условиях явно выраженного конфликта в отношениях между высшей и низшей социальными стратами вовсе не означает, что таковой не способен возникнуть в среднесрочной перспективе. Напротив, в ближайшие два-три десятилетия эта проблема может стать одной из самых острых в большинстве развитых стран, и тому есть несколько причин.

Прежде всего, сам характер технологического и экономического развития последних лет (и это ярко продемонстрировали 90-е годы) свидетельствует о том, что высший класс постиндустриального общества в самой близкой перспективе способен еще больше обособиться от всех других социальных групп и резко противопоставить себя им.

Далее, как мы показали, проблема бедности затрагивает ныне слишком широкие круги общества, в том числе и те, что еще совсем недавно были представлены квалифицированными рабочими и частью среднего класса. Ввиду объективной затрудненности вовлечения лиц, пополняющих низший класс, в своевременное производство и фактической недоступности для их детей нормального образования проблема низшего класса становится в известной мере наследственной, а миграция за его пределы - все более сложной.

Наконец, рост численности низшего класса оказывает крайне негативное воздействие на стабильность социальной структуры западных обществ в целом, и в первую очередь - на стабильность среднего класса. В течение долгих десятилетий развитие индустриального общества воплощалось в неуклонном повышении жизненного уровня рабочего класса, с одной стороны, и сокращении индивидуальной занятости, с другой. В результате сложился средний класс, упрочивший свои позиции в 20-е, а затем в 50-е и 60-е годы. Сегодня, напротив, идет снижение жизненного уровня у работников индустриального сектора и значительной части сферы услуг, и рост его у занятых в наукоемком производстве, прежде также принадлежавших к среднему классу. Происходит эрозия этой прежде достаточно однородной массы населения, и, вне всякого сомнения, большая ее часть имеет перспективы пополнить ряды низшего класса, что не может не вызывать социального протеста, вполне понятного и способного принять вполне выраженные формы уже в следующем десятилетии.

Катализатором новых проявлений классового противостояния может стать крах существующей в настоящее время системы социального обеспечения. Средства, направляемые на решение социальных проблем (включая и те, что могут быть изысканы при приложении определенных дополнительных усилий), лишь консервируют проблему, но не решают ее. Ввиду этого государство должно будет в обозримом будущем сделать трудный выбор между потерей конкурентоспособности национальной промышленности и поддержанием нынешнего уровня жизни получателей трансфертов и пособий. Учитывая современную обстановку в экономике самих развитых стран и международную конъюнктуру, можно с уверенностью сказать, что развитие социальной сферы не станет приоритетом в первые десятилетия наступающего века.

Таким образом, современные постиндустриальные общества чреваты новыми социальными противоречиями. Изучение их природы и возможностей преодоления становится актуальнейшей задачей социологии, от решения которой, без преувеличения, зависит судьба современной цивилизации в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Иноземцев В.И.* "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социол. исслед. 2000. №6.
2. *Toffler A.* Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. P. 12.
3. См.: *Thurow L.C.* The Zero-Sum Society. Distribution and the Possibilities for Economic Change. L., 1981. P. 199.
4. См.: *Lind M.* The Next American Nation. The New Nationalism and the Fourth American Revolution. N.Y., 1995. P. 111.
5. См.: *Sunless G.* Public Spending on the Poor: Historical Trends and Economic Limits // Danziger S.H., Sandefur G.D., Weinberg D.H. (Eds.) *Confronting Poverty: Prescription for Change.* Cambridge (Ma.), 1994. P. 57, 63-64.
6. См.: *Katz M.B.* In the Shadow of the Poorhouse. A Social History of Welfare in America. N.Y., 1996.
7. См.: *Pierson Ch.* Beyond the Welfare State? The New Political Economy of Welfare. Cambridge, 1995. P. 128.

8. См.: *Jencks Ch.* Is the American Underclass Growing? // *Jencks Ch., Peterson P. (Eds.) The Urban Underclass.* Wash., 1991. P. 34; *Madrick J.* The End of Affluence. The Causes and Consequences of America's Economic Dilemma. N.Y., 1995. P. 152.
9. См.: *Limtone H.A., Mitroff I.* The Challenge of the 21st Century. Albany, 1994. P. 228.
10. См.: *Mincy R.B.* The Underclass: Concept, Controversy, and Evidence // *Danziger S.H., Sandefur G.D., Weinberg D.H. (Eds.) Confronting Poverty: Prescription for Change.* P. 130.
11. См.: *Chomsky N.* World Orders, Old and New. L., 1997. P. 143.
12. См.: *Moody K.* Workers in a Lean World. Unions in the International Economy. L. - N.Y., 1997. P. 189.
13. См.: *Korten D.C.* When Corporations Rule the World. L., 1995. P. 246.
14. См.: *Fischer C.S., Haul M., Jankowski M.S., Lucas S.R., Swidler A., Voss K.* Inequality by Design. Cracking the Bell Curve Myth. Princeton (NJ), 1996.
15. См.: *Reich R.B.* Tales of a New America. N.Y., 1987. P. 158.
16. См.: *Luttwak E.* Turbo-Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L., 1998. P. 86-87.
17. См.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. Madison (Wi.), 1987. P. 210-211.
18. *Auletta K.* The Underclass. N.Y., 1982. Подробнее о возникновении, развитии и современных трактовках понятия underclass в американской социологической литературе см.: *Cans HJ*. The War Against the Poor. The Underclass and Antipoverty Policy. N.Y., 1995. P. 2, 16, 28, 31-33.
19. *Myrdal G.* Challenge to Affluence. N.Y., 1963. P. 10.
20. Подробнее о двух этапах в развитии постиндустриального общества см.: *Иноземцев ВЛ.* Fin de Siecle. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы (1973-2000). // Свободная мысль. 1999. № 7-8.
21. *Winslow C.O., Bramer W.L.* Future Work. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. N.Y., 1994. P. 230.

КЛАССОВЫЙ АСПЕКТ БЕДНОСТИ

Добавил(а) Социология
06.09.10 09:18 -

22. См.: *Madrick J.* The End of Affluence. The Causes and Consequences of America's Economic Dilemma. N.Y., 1995. P. 135.

23. См.: *Ayres R.U.* Turning Point. An End to the Growth Paradigm. L., 1998. P. 199; *Weizsaecker E., van, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four: Doubling Wealth - Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997. P. 279.

24. *Danziger S.H., Sandefur G.D., Weinberg D.H.* Introduction // *Danziger S.H., Sandefur G.D., Weinberg D.H.* (Eds.) Confronting Poverty: Prescription for Change. P. 10.

25. См.: *Kiplinger K.* World Boom Ahead. Wash., 1998. P. 154.

26. См.: *Chomsky N.* World Orders, Old and New. L., 1997. P. 142.

27. См.: *Kanter R.M.* World Class. Thriving Locally in the Global Economy. N.Y., 1995. P. 151-152.

28. См.: *Herrnstein R.J., Murray Ch.* The Bell Curve. Intelligence and Class structure in the American Life. N.Y., 1996.

29. *Lasch Ch.* The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. N.Y. - L., 1995. P. 27.

^[1] В данном случае мы имеем в виду кейнсианскую трактовку полной занятости, предполагающую в качестве таковой уровень безработицы, не превышающий 4% трудоспособного населения.